

На ее условиях

Автор:

[Триш Мори](#)

На ее условиях

Триш Мори

Любовный роман – Harlequin #395

Симона хочет скрасить своему единственному родному человеку, любимому дедушке, последние дни жизни. С этой целью она появляется на пороге Алесандера Эскивеля, ловеласа и личного врага их семьи, и предлагает ему... жениться на ней.

Для возрастной категории 16+

Мори Триш

На ее условиях

Глава 1

Фелипе умирал. Врачи давали ему шесть месяцев, максимум год. Ее дед умирал!

Лозы шелестели и льнули к горному склону, когда Симона бежала сквозь виноградник. Споткнувшись, она стерла слезу со щеки. Деду бы не понравилось, что она плачет по нем.

– Я стар, – сказал он ей, когда наконец решил, что Симоне пора узнать правду. – Бог дал мне долгую жизнь и мало поводов для сожалений...

Но Симона видела слезы на его глазах, когда эти сожаления затопили его душу. Печаль по жене, с которой Фелипе прожил пятьдесят лет до того, как рак победил ее. Отчаяние, когда дочь и ее муж, родители Симоны, погибли в авиакатастрофе меньше чем через три месяца после того, как Фелипе помирился с ними. И стыд от того, что, ища спасения от депрессии в выпивке и картах, он проиграл три четверти своего имения и лишился бы дома, если бы друг не оттащил его силой от игорного стола.

Эти сожаления и убивали его. О, рак тоже способствовал, вгрызаясь в кости Фелипе и сокращая его жизнь, но именно сожаления подтачивали его желание сопротивляться болезни. Сожаления нашептывали ему, что все бессмысленно и он должен сдаться, что у него нет причин жить дальше. И кто бы что ни говорил, это не имело значения, потому что каждый взгляд в окно, на лозы, которые больше не принадлежали ему, напоминал Фелипе, сколько потерь он пережил.

Симона остановилась у недавно возведенного забора на новой границе между оставшейся землей деда и поместьем семьи Эскивель. В просвет между шпалерами, по которым лозы карабкались выше ее головы, Симона могла видеть прекрасное побережье Северной Испании. У подножия горы ютился городок Гетария, защищенный каменистым мысом от Бискайского залива. Море всех оттенков синего сияло под лаской ветра и солнца. Это было так не похоже на то, к чему Симона привыкла в Австралии, что каждый взгляд на этот пейзаж заставлял ее сердце замирать.

Глубоко вдыхая соленый ветер, она смотрела на холмы, террасы виноградников, древний город внизу, слишком прекрасный, чтобы быть настоящим. Эти воспоминания будут казаться сказкой, когда Симона вернется в Мельбурн, назад к привычной жизни в дешевой студенческой квартирке. Но Мельбурну и университету придется подождать еще немного. Симона приехала сюда на пару недель между семестрами, но Фелипе заболел, и она пообещала остаться, пока он не встанет на ноги. Теперь же, с последними новостями, она знала, что не вернется домой еще какое-то время. Потому что ни за что не оставит Фелипе одного. При смерти.

Слишком много смертей было вокруг, чтобы теперь терять и его тоже, когда она только-только узнала деда. Столько лет ссора лежала пропастью между ним и

его дочь. С тех пор как Симона была маленькой, Фелипе с женой жил здесь, в Испании, а их упрямая дочь с любовником и их внучкой – в добровольном изгнании в Австралии. Столько лет было потеряно, и теперь, после долгожданной встречи, оставались считанные месяцы.

Как она могла сделать эти последние несколько месяцев лучше для Фелипе? Как облегчить боль его потерь? Симона покачала головой, глядя через забор на ярды виноградников, теперь принадлежащие другим людям. Печаль, вина и стыд ее деда были огромны. Как же Симоне хотелось исправить хоть что-нибудь!

Но не было способа вернуть к жизни жену Фелипе или его дочь и зятя. Не было денег, чтобы выкупить проигранную землю. А с многолетним соперничеством соседей не было ни шанса, что семья Эскивель расстанется с этой землей по доброй воле. Что оставляло Симону с одной-единственной безумной идеей. Достаточно безумной, чтобы она могла сработать. Если сама Симона будет достаточно безумной, чтобы ее осуществить.

– Ты ее уволила! – Алесандер Мануэль Эскивель забыл о кофе и наградил свою мать возмущенным взглядом. – Кто дал тебе чертово право увольнять Бланку?

Изобель Эскивель стояла у окна, безмятежная, как монахиня, чем только усиливала ярость сына.

– Тебя не было целый месяц, – возразила она спокойно. – Эта квартира превратилась в свинарник. Разумеется, я воспользовалась возможностью уволить эту девушку и нанять профессиональную уборщицу. Только взгляни, ни пятнышка. – Ее рука, унизанная бриллиантовыми кольцами, обвела комнату. – Не понимаю, что тебя так раздражает.

Мать считала, что он раздражен? Это было слабо сказано. Проведя пятнадцать часов в самолете из Калифорнии, Алесандер предвкушал, с каким удовольствием примет душ, а потом упадет в постель, в охотно раскрытые женские объятия. Он подавил рычание. За свое недолгое пребывание на этой работе Бланка раскрывала объятия более чем охотно.

Обнаружить, что вместо нее Алесандера ждала мать, было не очень приятно. Так что он с улыбкой сказал то, что точно вызывало у Изобель ответное

раздражение:

- Ты прекрасно знаешь, Madre querida, что я нанял Бланку не за ее умение наводить порядок.

Его мать недовольно вздохнула и отвернулась к окну, из которого открывался потрясающий вид на залив Де-ла-Конча.

- Не нужно быть грубым, Алесандер, - сказала она утомленно. - Я прекрасно понимаю, зачем ты «нанял» ее. Но пока она была с тобой, ты не прикладывал усилий к поиску жены.

- О, я думал, поиск мне жены - это твое занятие.

Изобель резко обернулась, потеряв невозмутимость:

- Это не шутки, Алесандер! История семьи Эскивель насчитывает века. Ты намерен дать ей прерваться только потому, что ты слишком занят, развлекаясь с очередной puta-del-dia?

- Мне всего тридцать три года, Madre. Думаю, я буду способен на размножение еще какое-то время.

- Возможно, но не думай, что Эмерельда де ла Сильва будет ждать тебя вечно.

- Разумеется, я не думаю ничего такого. Это было бы совершенно неразумно.

- Верно, - протянула его мать, с надеждой во взгляде делая осторожный шаг к Алесандеру. - Неужели ты наконец внял здравому смыслу и решил остепениться? - Она рассмеялась с показным облегчением. - О, Алесандер, ты мог бы сказать раньше.

Он улыбнулся ее напрасной надежде:

- Я имел в виду, что Эмерельде не имеет смысла ждать ни минуты дольше, потому что я ни за что на свете на ней не женюсь.

Лицо его матери закаменело, как маска. Скрестив руки на груди, Изобель демонстративно отвернулась к окну.

– Ты знаешь, между нашими семьями существовала договоренность еще с тех пор, как вы оба были детьми. Эмерельда для тебя очевидный выбор.

– Твой выбор, не мой!

Он бы скорее женился на акуле, чем на такой, как Эмерельда де ла Сильва. Она была бесспорно красива, и когда-то в прошлом Алесандер подумывал об этом браке, но быстро выяснил, что в девушке не было теплоты, огня. Да, собственно, ничего не было в этой безупречной оболочке, кроме холодной рыбы, выращенной с единственной целью – хорошо выйти замуж. А он, для брака или вне его, никогда не согласился бы на женщину без страсти.

– А что тогда насчет внуков? – возвала Изобель, меняя тактику и прижимая руку к сердцу. – Если ты не хочешь жениться ради фамильного имени, может, сделаешь это ради меня? Чтобы подарить мне внуков?

Теперь была очередь Алесандера смеяться:

– Ты переигрываешь, Madre. Не так уж сильно ты любишь детей. По крайней мере, насколько я это помню по своему опыту.

Изобель тихо фыркнула.

– Ты был воспитан, чтобы стать лучшим, – сказала она без малейших угрызений совести. – Ты был воспитан сильным.

– Тогда почему ты удивляешься тому, что я хочу принимать собственные решения?

Ее плечи напряглись.

– Ты не можешь играть в эту игру вечно, Алесандер, не важно, насколько она тебя забавляет! На следующей неделе Маркел де ла Сильва празднует шестидесятилетие. Мы с матерью Эмерельды надеялись, что ты будешь

сопровождать Эмерельду на этот прием. Можешь ты хотя бы почтить этим дружбу между нашими семьями?

Для чего? Чтобы услышать «неожиданное» объявление об их помолвке в качестве экстравагантного подарка на день рождения отца невесты? Алесандера это бы не удивило. Его мать питала особенную страсть к измышлению подобных планов. С нее случилось бы поставить его в такого рода положение и вынудить к нежеланным действиям.

- Какая жалость. У меня другие планы на этот вечер.

- Ты должен там быть! Твое отсутствие будет преднамеренным оскорблением для семьи!

Алесандер вздохнул, внезапно устав подначивать мать. Конечно, он собирался на эту вечеринку. Маркел де ла Сильва был хорошим человеком, достойным уважения. Не его вина, что его дочь пошла в загребущую маменьку.

- Разумеется, я там буду. Но скажи, какое слово из «я ни за что на свете не женюсь на Эмерельде» ты не поняла?

- Да-да, ты сейчас так говоришь, но больше никого подходящего просто нет, а рано или поздно тебе придется выполнить свое предназначение как единственному наследнику поместья Эскивель. - Его мать перестала притворяться, что объединение двух семей этим браком было ее конечной целью. - Когда ты это, наконец, поймешь?

- Я не могу дать тебе тот ответ, который ты хочешь услышать, но уверяю тебя, Madre, когда я наконец решу жениться, ты узнаешь об этом первой.

После этих слов его мать ушла, вся негодование в холеной оболочке, и ее парфюм и раздражение витали в воздухе еще долго после того, как за ней закрылась дверь. Алесандер стоял у того же большого окна, в которое недавно смотрела Изобель, но, в отличие от нее, он наслаждался видом. Лес шелестел на острове Санта-Клара, на горе Ургуль возвышалась статуя Христа, благословляющего Сан-Себастьян, и вместе с горой Игельдо это был роскошный фон для лучшего пляжа Европы.

Алесандер купил эту квартиру несколько лет назад, не глядя, после очередной ссоры с матерью. В то время ему просто нужно было убежище подальше от фамильного имения в Гетарии. Как выяснилось, он получил больше, чем просто убежище в двадцати минутах езды. Он получил самый лучший вид из окна на город.

Сегодня белый изгиб пляжа был менее людным, чем месяц назад, в самый разгар лета. Большинство туристов по мягкой сентябрьской погоде предпочитали прогулки по Конче купанию в море.

Со вновь разгоревшимся желанием Алесандер пригляделся к пляжу. Бланка любила проводить дни напролет на горячем песке, покрываясь загаром. И преуспевала в этом, насколько он помнил. Жаль, что его мать не понимала преимущества длинных загорелых ног перед чистотой ковров.

Алесандер обвел взглядом пляж. Возможно, Бланка сейчас где-то там. Достав телефон, он пролистал контакты в поисках ее номера. Изобель, должно быть, заплатила ей приличную сумму, чтобы сохранить в тайне новость о ее столь внезапном уходе. Но если Бланка все еще где-нибудь поблизости...

Почти нажав на вызов, он задержался, потом вернул телефон в карман. О чем он думал? Когда она ждала его прихода здесь, в его квартире, это было одно. Звонить ей было бы совсем другим делом. Он же не хотел, чтобы у нее появились не те мысли, верно? К тому же ее время и так подходило к концу, и Бланка знала это. С самого начала он ясно предупредил ее, что через три месяца ей предстоит искать другое место работы. Что, вероятно, объясняло, почему она ушла так тихо – она всегда знала, что это место было временным.

Все же Алесандер недовольно ворчал, стаскивая галстук: помимо грядущих хлопот с поиском новой уборщицы сегодня ему предстояло обойтись холодным душем.

Глава 2

Идея была не просто безумием. Она была бредом.

Симона стояла спиной к заливу и смотрела вверх, на здание, в котором жил Алесандер Эскивель. Ледяные мурашки бежали по ее спине, несмотря на теплые лучи осеннего солнца. Конечно, его квартира была на самом верху, как положено небожителю. Снизойдет ли он хотя бы до того, чтобы впустить ее, не говоря уже о том, чтобы всерьез рассмотреть ее предложение? Это была самая безумная идея в ее жизни. Над ней будет хохотать весь Сан-Себастьян. Вся Испания!

Симона почти развернулась, чтобы сбежать, добраться по пляжу Де-ла-Конча до автобусной остановки и до Гетарии, до убежища в домике деда. Почти.

Но какие еще у нее варианты? Быть осмеянной в городе и покинуть страну с позором лучше, чем ничего не делать. Ничего не делать значило сидеть и смотреть день за днем, как жизнь ее деда неумолимо движется к концу. Ничего не делать не было вариантом. Больше не было. Она не могла хотя бы не попробовать.

Симона глотнула соленого воздуха. Морской бриз, игравший складками ее любимой юбки, нес ароматы чеснока, помидоров и жареной рыбы из прибрежного ресторана. Желудок Симоны протестующе заурчал. Она не могла вечно стоять на обочине этой дороги. Скоро ей нужно было возвращаться в дом деда, готовить ужин. Она сказала Фелипе, что хочет купить кое-что для паэлья. Он будет волноваться, что внучка так задерживается.

Внезапно густой поток машин расступился, и ноги сами понесли Симону через дорогу. И чем ближе она подходила к зданию, тем величественнее казалось оно и тем нереальнее – ее план.

Должно быть, она сошла с ума. Это никогда не сработает.

Алесандер едва вышел из душа, когда прозвучал дверной звонок. Он обернул полотенце вокруг бедер, гадая, что могла забыть его мать. Но нет, Изобель не была склонна предупреждать о своем приближении, особенно с тех пор, как сын одолжил ей ключ от квартиры, который она привычно забывала вернуть.

Так что Алесандер решил игнорировать звонок и дернул с крючка еще одно полотенце, чтобы вытереть волосы. Он работал в офисе в городе или в

фамильном имени в Гетарии, никто не навещал его в этой квартире без приглашения. Но звонок прозвучал снова, на этот раз дольше, настойчивее, в явной попытке привлечь его внимание.

Алесандер перестал вытирать волосы и задумался. Что, если Бланка ждала его возвращения, держась подальше от его матери? Она знала сроки его поездки, знала, что он вернется сегодня.

«Как удачно», – подумал он. Если она пришла сама, то не будет ждать от этой ночи ничего сверхобычного. Почему бы не получить удовольствие еще раз, в память о старых временах? А завтра или на следующий день он скажет ей, что более в ее услугах не нуждается.

– Бланка, hola, – сказал он в интерком, чувствуя первые искры возбуждения и радуясь, что экономит время на раздевании.

– Это не Бланка, – сказал хриловатый голос, неуверенно запинаясь об испанские слова. – Это Симона Гамильтон, внучка Фелипе Ортксоа.

Алесандер молчал, пытаясь сложить факты в голове. У Фелипе есть внучка? Старик был его соседом, но не то чтобы они дружили. Алесандер потер лоб, вроде бы припоминая что-то о дочери, которая вышла замуж за австралийца и погибла сколько-то месяцев назад. Похоже, от нее осталась дочь. Что ж, это объясняло, почему девушка так коверкает испанский.

– Что вам нужно? – спросил он на английском.

– Пожалуйста, сеньор Эскивель, – отозвалась она со вздохом облегчения. – Мне нужно с вами поговорить. О Фелипе.

– Что насчет Фелипе?

– Могу я подняться?

– Нет, пока не скажете, в чем дело. Что такого важного случилось, что вы хотите попасть в мою квартиру?

– Фелипе, он... В общем, он умирает.

Алесандер моргнул. В поместье ходили слухи, что старик нездоров, и Алесандеру было его жаль, но Фелипе был стар, так что новость не стала таким уж сюрпризом. И Эскивель все еще не понимал, как это касается его.

– Мне жаль это слышать, но чего вы от меня хотите?

Он мог слышать шум вокруг нее: семья из квартиры ниже возвращалась с пляжа, мать ругала детей за натащенный песок, отец ворчал, утомленный так называемым отдыхом, и, вероятно, мечтал о тишине своего офиса. Гостья попыталась сказать что-то сквозь этот гвалт, вздохнула и повысила голос:

– Можно я поднимусь и все объясню? Обсуждать это через интерком очень неудобно.

– Я все еще не понимаю, что могу сделать для вас.

– Пожалуйста. Я вас не задержу. Это очень важно.

Для нее – может быть. Сколько Алесандер его знал, Фелипе был сварливым стариком и за все это время не приложил ни малейшего усилия, чтобы как-то сократить дистанцию между их семьями – результат какой-то давней ссоры. С другой стороны, отец Алесандера за всю свою жизнь этого тоже не сделал. Жаль, что его уже не было в живых, когда некий удачливый игрок постучал в дверь Алесандера и предложил ему акры виноградника, которые выиграл у Фелипе в карты. Эскивель-старший годами пытался купить эту землю.

Алесандер задумчиво провел рукой по волосам. Виноградник. Вероятно, это он явился причиной визита внучки. Неужели Фелипе послал эту тихую мышку с жалостливой историей в надежде получить землю обратно? У самого старика этот фокус точно бы не прошел. Возможно, Алесандеру стоило впустить девушку хотя бы для того, чтобы сказать ей об этом. Он глянул вниз, на полотенце. Не самое подходящее время для визитов.

– Я не одет для приема гостей. Позвоните в мой офис.

– Мой дед умирает, сеньор Эскивель, – сказала девушка прежде, чем он прервал соединение. – Вы думаете, мне есть дело до того, что на вас надето?

Хрипловатый голос тихой мышки внезапно зазвучал так, словно у нее все-таки была какая-то внутренняя сила, и в Алесандере проснулся интерес. Почему бы не одарить внучку соседа пятью минутами его времени? Ему это ничего не будет стоить, зато даст возможность увидеть, что прилагалось к этому бархатистому голосу.

– В таком случае вам лучше подняться, – сказал он, с улыбкой нажимая кнопку лифта.

У Симоны замерло сердце, когда лифт открыл перед ней двери в пентхаус. У нее шумело в ушах от неожиданного успеха и кружилась голова от голоса Алесандера. Поиск принес ей адрес его квартиры и информацию о том, что наследник Эскивелей являлся самым завидным женихом в Сан-Себастьяне, но ничто не подготовило ее к тому, каким звучным был его голос, как струился он сквозь интерком и ласкал ее слух. Но даже с таким сильным отвлекающим фактором у нее получилось справиться с нервами и добиться приема у единственного человека, кто был способен ей сейчас помочь. Алесандер Эскивель мог быть привлекательным наследником фамильного состояния, но его внешний вид или его наследство ее не интересовали. Гораздо важнее было то, что он был холост. Тридцати трех лет от роду, без жены, без невесты и согласен выслушать Симону. Она глотнула воздуха. Теперь оставалось только удержать его внимание достаточно надолго, чтобы он обдумал ее план.

– Легче легкого, – прошептала она, вытирая влажные от волнения ладони о юбку. Все, что ей было нужно, – это нажать дверной звонок и улыбнуться.

Но, когда дверь открылась, улыбка Симоны исчезла при виде двух белоснежных полотенец. Одно висело на шее, оттеняя черные волосы и смуглую кожу, другое было обернуто вокруг бедер мужчины. Очень низко обернуто.

Симона сглотнула. Подумала о побеге. Потом о цели визита. Потом о полотенце и о том, что было под ним, и немедленно пожалела об этой мысли.

– Симона Гамильтон, я полагаю, – сказал он, и его роскошный испанский акцент превратил ее имя в изысканную ласку. – Приятно познакомиться.

Симона моргнула, заставляя себя перевести взгляд выше, хотя все, чего ей хотелось, – это смотреть на его скульптурный живот и мускулистую грудь. Его темные глаза улыбались ей, уголки чувственных губ были приподняты, а его голос, казалось, скользил по ее коже под одеждой. Симона поежилась, ощущая, как напряглись соски под тонким бюстгалтером. Впервые за долгое время мысль о сексе всплыла в ее сознании внезапной фантазией о сплетенных телах, разворошенной постели и об этом мужчине на смятых простынях – без полотенца. Мысленные картинки были столь яркими и чувственными, что Симона совершенно потеряла мысль о цели своего визита.

– Я не хотела вас беспокоить, – пробормотала она. «А уж себя-то точно». – Мне лучше вернуться позже.

– Я предупреждал вас, что не одет для приема гостей, – напомнил Алесандер. – Вы сказали, что вас не волнует моя одежда.

Симона слабо кивнула. Она вправду сказала что-то в этом роде. Но ей и в голову не могло прийти, что на нем не будет ничего, кроме полотенца. Она сглотнула.

– Но вы не... То есть... Может, в другой раз.

Он улыбнулся шире, и ей стало еще более неловко. Он явно развлекался – за ее счет.

– Вы сказали, это что-то важное. Про Фелипе?

Симона моргнула, глядя на него, и вспомнила, почему она здесь. Вспомнила свой план и все причины, по которым он не мог сработать. И добавила новые причины в этот список, потому что фотографии Алесандера, которые она нашла, не отражали всей картины. Он был не просто привлекательным мужчиной в хорошей форме – он был божественен, а мужчины, которые выглядят как боги, женятся на супермоделях, на наследницах состояний и принцессах, и уж точно не на женщинах, которые появляются на их пороге, умоляя об услуге. Никто в здравом уме не мог бы предположить, что такой, как он, мог бы жениться на такой, как она.

Господи, что она вообще тут делает?

- Прошу прощения, - сказала она, качая головой. - Прийти сюда было ошибкой.

Она развернулась, но он взял ее за руку выше локтя и, прежде чем Симона поняла, что происходит, втащил ее в квартиру и надежно закрыл входную дверь.

- Сядьте, - приказал Алесандер.

Кожаный диван, на который он указал, был длиннее, чем вся ее старая квартирка, но казался незначительным в этой огромной комнате с высоким потолком и потрясающим видом на залив сквозь панорамное окно во всю стену.

- Может, теперь вы скажете, в чем, собственно, дело?

Симона послушно села, потирая руку там, где ее кожу покалывало от его прикосновения. Еще бы ей было не нервничать - она не знала, куда смотреть, чтобы не таращиться на его мускулистое загорелое тело. Как она могла начать что-либо объяснять, если не могла поднять на него взгляд, и ее горло внезапно пересохло?

- Хорошо, - сказала она. - Но сначала я дам вам время одеться.

- Я не спешу, - разбил ее надежды Алесандер, наливая свежесваренный кофе.

Не спросив, он добавил сахар и молоко и вручил ей кружку. Девушка взяла ее, стараясь не смотреть вверх и так же старательно избегая его прикосновения. Как она вообще могла подумать, что ее безумный план может сработать?

- Ну, так что там с Фелипе?

Симона снова вспомнила, зачем пришла. Как этому мужчине удавалось заставить ее раз за разом забыть то, о чем она должна была думать в первую очередь? О надежде вызвать улыбку на лице Фелипе. Ей удалась первая часть плана. Ради деда она была готова на все. В конце концов, она вернется в Мельбурн. Унижение не будет вечным...

Не так уж много прилагалось к бархатистому голоску. «Она похожа на беспризорницу», – думал Алесандер. Серо-голубые, слишком большие глаза на узком лице, почти слишком широкий рот, точно слишком свободная блузка для такого худого тела. Та вспышка уверенности, которая обеспечила его гостье эту встречу, похоже, растворилась бесследно. Девушка смотрела в кружку кофе, не видя ее, и казалась крошечной на большом диване. Совсем как та мышка, которую Алесандер представил, услышав нерешительный голос по интеркому.

– Вы сказали, он умирает, – напомнил он, и внезапно она подняла подбородок и снова нашла ту ноту, что вызвала его интерес:

– Доктор сказал, ему осталось месяцев шесть. Может, год. – Ее голос дрогнул на последнем слове, и Симона осторожно поставила кружку, прежде чем продолжить. – Я не верю, что он протянет так долго. – Пряди светлых волос выбились из ее хвостика, она убрала их за уши и подняла на Алесандера усталый взгляд. – Простите меня, – сказала она, стирая слезу со щеки. – Я зря все это затеяла. Вам это не нужно.

В этом она была права, но Алесандер был как минимум заинтригован тем, почему она пришла за помощью именно к нему. У него были предположения, но найти у себя на пороге умоляющую внучку было по меньшей мере неожиданно.

– Почему вы думаете, что Фелипе не проживет так долго?

Она пожала плечом почти нетерпеливо, словно причина была единственно возможной и очевидной.

– Потому что он сдался. Он считает, что заслуживает смерти.

– Из-за виноградника?

– Конечно из-за виноградника! Из-за жены и дочери тоже, но поймите, потерять еще и землю – это убивает его быстрее, чем могла бы любая болезнь.

– Я так и думал. – Алесандер остановился у окна, жалея о порыве впустить ее.

Он был до странности разочарован. Не только тем, что девушка с хрипловатым голосом оказалась похожа на большеглазую бродяжку, но и тем, что он оказался прав. Конечно, все дело в винограднике. И он знал, что случится дальше: она попросит его либо вернуть землю по доброте душевной, либо одолжить денег, чтобы выкупить виноградник.

Не нужно было ее впускать. А Фелипе не должен был ее посылать. О чем вообще старик думал? Что Алесандер проникнется к ней жалостью и исполнит любую ее просьбу? Ярость вскипала в нем при мысли, что кто-то, а тем более давний соперник его отца, думает, что им можно управлять так легко.

– Так он поэтому вас послал? Выпросить землю обратно?

Его слова прозвучали больше обвинением, чем вопросом, и девушка вздрогнула:

– Фелипе меня не посылал. Он вообще не знает, что я здесь. – Она замешкалась, глянула на часы на тонком запястье, потом снова на Алесандера, словно решила на что-то. – Наверное, мне стоит уйти.

Он наградил ее суровым взглядом:

– Вы знаете, что это не я заставлял его играть и ставить на кон собственность, не так ли? Я купил эту землю честно и без обмана. И заплатил немало за эту возможность.

– Знаю.

– Тогда вы не можете ждать, что я спокойно вручу вам ее обратно, как бы ни был болен ваш дед.

Голубые глаза Симоны вспыхнули льдом.

– Вы считаете меня дурой? Пусть я не местная, но Фелипе достаточно рассказал мне об Эскивелях. Я знаю, что подобного никогда бы не могло случиться.

Это «никогда» разозлило Алесандера. Да, Фелипе и его отец имели разногласия в прошлом, и да, Эскивели относились к бизнесу всерьез, но это не значило, что

у них не было чести. В конце концов, они были басками.

– Тогда зачем вы пришли? Просить денег?

Она тряхнула головой, пряди, выбившиеся из хвостика, снова упали на ее лицо.

– Мне не нужны ваши деньги. Мне нет до них дела.

– Какая же еще причина могла заставить вас нарисоваться на моем пороге и просить о встрече?

Симона встала, вытянувшись во весь свой небольшой рост. Ее сверкающие глаза и решительно сжатые челюсти делали ее похожей на разъяренную фурию, а не на тихую мышку, шагнущую через его порог.

– Хорошо. Раз уж вы так хотите знать, я пришла сюда просить вас жениться на мне.

Глава 3

– Жениться на вас? – Алесандер не слушал дальше, этого хватило. Его хохот наполнил комнату, отражаясь от стен. Он знал, что она хотела чего-то, землю или денег, но предложение брака никогда не пришло бы ему в голову. – Вы всерьез предлагаете нам пожениться?

– Я знаю, это безумная идея... – Его гостья сжимала и разжимала кулаки, ее взгляд был ледяным от ярости. – Забудьте. Совершенно очевидно, я ошибалась, предполагая, что вы соизволите хотя бы пальцем пошевелить, чтобы помочь моему деду. Прошу прощения за беспокойство. Не провожайте меня.

Развернувшись так, что взвихрившаяся юбка показала ему ноги, более стройные, чем он мог представить, Симона устремилась к двери, оставив ядовитые слова висеть в воздухе. Да как она посмела, выложив подобное безумное предложение, вести себя так, словно он ее подвел?

Алесандер догнал ее, когда девушка открыла дверь, потянулся через ее плечо и захлопнул створку.

- Не припоминаю, чтобы вы просили меня шевелить пальцем.

Симона не услышала или не обратила на него внимания. Она лихорадочно дергала за ручку двери обеими руками, напрягаясь всем стройным телом в попытке ее открыть. Дверь не поддавалась, потому что Алесандер опирался на нее.

- Выпустите меня!

Он не двинулся с места, наблюдая, как миниатюрная фурия сражается с дверью.

- С другой стороны, вы попросили меня жениться на вас.

- Я ошиблась, - ответила она в отчаянии, задыхаясь от усилий.

- Что, вы планировали просить кого-то другого?

Она сдалась, глядя на дверь так, словно хотела испепелить ее усилием воли.

- Я думала, вы сможете помочь. Я ошиблась.

- И поэтому вы повернули все так, словно я вас подвел? Потому что я был честен и посмеялся над этим нелепым брачным предложением?

- Нелепым, потому что вы такая роскошная партия? С ума сойти! Вы и вправду верите, что я так уж жажду выйти за вас замуж?

Симона пнула дверь напоследок, развернулась и немедленно пожалела об этом, почти уткнувшись носом в обнаженную мужскую грудь. Его кожа была оливково-бронзовой от загара, с темными волосами, и его соски были твердыми... Боже, ну почему он не мог одеться? Она могла видеть, как ее дыхание шевелит волосы, могла чувствовать лимонное мыло и его запах, горячий, чистый, мужской...

И она вполне могла бы обойтись без понимания, насколько все это ей нравилось.

– Это вы мне скажите, – прорычал Алесандер. – Вы же об этом просили.

Он возвышался над ней, почти прижимая к двери. Симона могла метнуться в сторону, но у нее создавалось стойкое впечатление, что этому мужчине понравится, если она попытается бежать. Он явно из тех, кто наслаждается погоней. Так что она осталась на месте и заставила себя встретить его взгляд.

– Несколько месяцев, – сказала она. – Я не просила о вечности. Я не настолько мазохистка. – Что-то опасное мелькнуло в его глазах, и она задумалась о том, насколько разумно с ее стороны было оскорблять единственного человека, который мог ей помочь. Хотя это было важно до того, как он высмеял ее предложение. Теперь она ничего не теряла, говоря, насколько не прельщала ее такая перспектива. – Поверьте, если бы у меня была любая другая возможность, я ухватилась бы за нее обеими руками.

Он вгляделся в ее глаза:

– Во что вы играете? Зачем вы здесь на самом деле?

Она сказала бы ему, если бы думала, что он послушает.

– Знаете, продолжать это все нет смысла. Выпустите меня, и я обещаю больше никогда не показываться вам на глаза. Может, у нас получится забыть, что эта встреча вообще случилась.

– Забыть, как худосочная девчонка, которую я увидел первый раз в жизни, предложила мне на ней жениться? Забыть предложение о браке, завернутое в колючки и оскорбления? От женщины, которая призналась, что предпочла бы любую другую возможность? Да еще и не объяснила ничего? Не думаю, что я быстро такое забуду.

– А какой смысл объяснять? Вы весьма четко выразили вашу позицию. Совершенно очевидно, вы никогда не снизойдете до женитьбы на «худосочной девчонке».

Ее глаза полыхали холодным огнем, когда она выплюнула его же слова ему в лицо, в ярости от его оскорбления. Что ж, он мог быть не прав. Она была скорее изящной, чем худосочной, хотя у него нет ни малейшего шанса узнать это наверняка, так как ее формы надежно скрывала мешковатая дешевая одежда. Но она точно не была девчонкой. Алесандер видел округлость ее груди, видел, что ее глаза скорее синие, чем серые, оттенка неба поутру, когда солнце еще не выжгло туман с холмов. Стоя так близко к ней, он ощущал ее аромат – меда, и солнца, и женщины, несомненный аромат возбужденной женщины.

Его тело отреагировало единственным известным ему способом, удивив Алесандера. Если бы он мог захотеть Симону, то знал бы об этом, как только открыл дверь и увидел ее. Обычно так и случалось. Он снова пожалел об отсутствии Бланки. Определенно у него слишком давно не было секса, если его могла завести любая большеглазая бродяжка. Его глаза снова скользнули к вырезу ее блузки, где открытая кожа выглядела гладкой как шелк. Стоило признать, бродяжка была приятно фигуристой...

– Возможно, не такой уж худосочной, – сказал он. Несмотря на то что она была не в его вкусе, Алесандер не удержался и положил руку на ее плечо. Ее кожа была именно такой шелковистой, как он предполагал.

Симона вздрогнула под его прикосновением, распахнув глаза и прикусив губу, и метнулась в сторону.

– Не трогайте меня!

Столь быстрая смена ее настроения забавляла его.

– Что такое? – Алесандер развернулся к девушке. – Вы просите меня жениться на вас, а потом запрещаете трогать? Наверняка вы пришли сюда готовой к, так сказать, прослушиванию.

Симона крепко обняла себя руками.

– Нет! Не будет никакого прослушивания! Этот брак – для Фелипе. Только для Фелипе. – На фоне подступающих сумерек ее глаза горели холодным синим огнем, а кулаки были сжаты так плотно, что побелели костяшки. – У вас есть халат?

Алесандер улыбнулся внезапной смене темы.

- Вам не нравится то, что на мне надето?

- В том-то и дело. На вас ничего толком не надето. - Она запнулась и закусила губу, словно сказала больше, чем собиралась. - Не хотелось бы, чтобы вы простудились.

Конечно, он не поверил. Его гостья оказалась неплохим развлечением. Скорее мышка, чем тигрица, она тем не менее нашла смелость высказать ему свою безумную идею. Еще Алесандера забавляла мысль, что меньше часа назад его мать выговаривала ему за нежелание жениться. Вот если бы она тоже услышала это предложение... Хотя Изобель это скорее привело бы в ужас, чем позабавило. Представив лицо матери, Алесандер улыбнулся:

- Позвольте вас успокоить, у меня весьма крепкое здоровье. Но я не хотел бы, чтобы вы чувствовали себя неудобно.

Он пошел одеваться, не столько ради душевного комфорта гостьи, сколько потому, что сам того хотел. Он достаточно наигрался и меньше всего жаждал создать у нее впечатление, что он ее хотел. Алесандер признавался себе, что гостья его заинтриговала, и ему было любопытно услышать детали ее внезапного предложения, но поощрять ее не следовало.

Она все еще в его квартире. Симона выдохнула и повернулась к окнам с видом на миллион евро. Алесандер Эскивель не вышвырнул ее за порог, но и не дал ей сбежать. Она все еще здесь, а он наконец пошел одеваться. Два успешных достижения. И теперь, по неведомой причине, он хотел ее выслушать. Более того, когда он прикроет эту мускулистую грудь и все остальное загорелое тело, Симона сможет собраться с мыслями. Возможно. Попытки не смотреть на этот образчик мужского совершенства, когда смотреть очень хотелось, чертовски отвлекали. А когда он прижал ее к двери и коснулся плеча, молния пронзила Симону до глубины естества. Хотя, возможно, это его томный взгляд сделал прикосновение столь волнующим... Боже, что тогда могла бы почувствовать женщина, которая действительно хотела его? Симона поежилась, вспоминая возбуждающий трепет. «Опасность, - подумала она. - Определенно опасность».

Слава богу, в ее планы ничего такого не входило.

- Прошу прощения, что заставил вас ждать.

Его роскошный акцент ласкал ее слух, и Симона почти поверила его словам. Обернувшись, она увидела на нем не халат, а светлые брюки и тонкий трикотажный пуловер, который облегал мускулистую грудь так, что Симона снова отвела глаза.

- Отличные туфли, - сказала она неловко, убирая выбившиеся пряди волос за уши.

Алесандер глянул на свои кожаные лоферы:

- Мне их делает очень хороший сапожник.

«Ну конечно, туфли ручной работы», - вздохнула Симона, жалея, что не может как-то спрятать собственные потертые балетки. Конечно, она знала, что он богат, но в каких же разных мирах они жили - одна пара его туфель стоила больше, чем весь ее гардероб. И он знал об этом. Странно, что он не дал ей сбежать, пока у него была такая возможность. Странно, что он не захлопнул дверь перед ее носом.

- Но вы пришли не обувь мою хвалить. - Он снова указал Симоне на диван, а сам устроился в большом кресле. - Мне любопытно услышать детали. Брак между вами и мной - но для Фелипе? Как именно это должно сработать?

Симона осторожно уселась на краешек дивана, ее сердце бешено билось от волнения. Эскивель хочет услышать больше. Ему просто любопытно или он действительно хочет обдумать ее предложение?

- Вы правда хотите знать? Не будете смеяться на этот раз?

- Вы застигли меня врасплох, - признал Алесандер, пожимая плечами. - Не каждый день женщина просит меня жениться на ней, в то же время заявляя, что лучше бы ее съели акулы.

Симона сжала губы, не собираясь защищаться. Его улыбка приводила ее в замешательство. Он был привлекательным, даже когда злился – его черты были слишком правильными, чтобы злость могла сделать его некрасивым. Но когда Алесандер улыбался, он был божественен.

– Извините, не каждый день я прошу кого-то на мне жениться.

– Я польщен, – отозвался мужчина абсолютно неискренне. – Ну так объясните мне, что за затея с этим браком? Почему вам так важно выйти за меня замуж? Чего вы хотите добиться?

– Я хочу сделать последние дни Фелипе счастливыми.

– Вы хотите дать ему счастье, выйдя замуж за сына человека, с которым ваш дед был в ссоре почти всю его жизнь?

– Я хочу, чтобы он был счастлив. – Не видя понимания в его глазах, Симона продолжила с большим чувством: – Как вы не понимаете, виноградники, что вы купили, были для Фелипе делом всей жизни! А сейчас каждый взгляд из окна напоминает ему о его ошибке. Обо всем, что он потерял. И его больше не интересуют оставшиеся лозы. И вообще ничего не интересует... – Она взглянула в глаза Алесандера, отчаянно желая, чтобы он понял. – Я знаю, это звучит безумно, но, если Фелипе увидит, что наши семьи объединятся, что виноградник снова будет единым целым, это будет значить, что его ошибки... больше не имеют значения. Он снова сможет улыбаться – если поймет, что не все потеряно.

– И умрет счастливым.

Симона вздрогнула от этих слов, и он подумал, не играет ли она. Как она могла так заботиться о человеке, которого едва знала?

– Это всего на несколько месяцев. Доктора говорят...

– Да, вы сказали. – Он резко встал и отошел к окну, повернувшись к Симоне спиной. – От шести до двенадцати месяцев. Почему я должен вам верить? Вы многое можете получить из этой сделки. Откуда мне знать, что вы не попытаетесь забеременеть и объединить наши семьи на более постоянной, так

сказать, основе?

Он считает ее способной на такое? Боже, с какими людьми ему приходилось вести дела? Симона покачала головой, ощущая тошноту от самой мысли о возможной беременности в этом союзе.

- Ни в коем случае. Это будет строго деловое соглашение, ничего больше.

- Прикажете верить вам на слово?

- Отнюдь. - Ее взгляд был холоден, как северное море. - Беременность исключается, потому что не будет секса.

Алесандер взглянул на нее через плечо, удивленно выгнув бровь:

- По-вашему, брак может быть удачным без секса?

- Почему бы нет? Это же не настоящий брак, поэтому в сексе нет нужды. То, что я предлагаю, брак только по названию. Кроме того, мы даже не нравимся друг другу. Раз уж на то пошло, мы едва знакомы. С чего бы нам хотеть секса?

Алесандер отмел все ее возражения как несущественные. Он никогда не рассматривал симпатию как необходимое условие для секса. С другой стороны, его отец не спал с его матерью последние тридцать лет их брака, и это доказывало, что брак без секса вполне возможен, даже если его отец на самом деле не отказывал себе в сексе как таковом. А об этом, пожалуй, стоило упомянуть.

- Если я соглашусь на этот брак, - сказал Алесандер и остановился, заметив вспышку надежды в серо-голубых глазах. Ее стоило подавить раньше, чем девушка слишком взволнуется. - Если я соглашусь, надеюсь, вы понимаете, что в моей жизни будут другие женщины? Мне же нужен будет кто-то для секса.

Симона сжала губы, вся ее фигура звенела напряжением.

- Уверена, у вас нет недостатка в подругах и знакомых, которые будут только рады позаботиться о ваших нуждах. Я не намерена вам мешать, если вы не

станете афишировать эти отношения, конечно.

Алесандер задумчиво потер подбородок, и этот жест снова привлек ее взгляд к мужественным чертам его лица. Глядя на его резкие скулы и черные как ночь глаза, Симона мечтала, чтобы он не был так хорош собой.

– Тогда это в самом деле может сработать, – сказал Алесандер. – И вы, наверное, правы насчет секса. Вы все равно не в моем вкусе.

– Прекрасно! – огрызнулась Симона, заливаясь румянцем. – Тем лучше для всех!

– Bueno. – Он улыбнулся ее раздражению. Заявляя, что не желает секса с ним, она явно не хотела слышать, почему он может не хотеть секса с ней. – Главное, что мы понимаем друг друга. Как вы сказали, мы не знаем, сколько продлится этот брак. Несколько месяцев, может, год. Вы не можете ожидать, что я буду воздерживаться все это время.

– У меня и в мыслях не было заставить вас подавлять ваши природные порывы. Хотя, возможно, немного самоконтроля вам бы не помешало.

– Зачем? Я люблю секс.

– Я ничего не хочу об этом слышать! Мне хватит того, что, если вы согласитесь, между нами секса не будет. Таким образом, не будет угрозы беременности. И осложнений.

Со вздохом Алесандер вновь повернулся к окну. Свет в небесах угасал, освещение в заливе загоралось, заливая побережье золотом. Симона права, без секса не будет нежеланных детей. Никаких осложнений, как она сказала. А это значит, что она не сможет претендовать на поместье Эскивелей.

А тем временем этот брак еще и избавит его от нравоучений матери. Алесандер почти рассмеялся. У Эмерельды не будет причины ждать от него предложения, потому что он будет уже женат. Это чудесно. Он не помнил, когда последний раз испытывал искушение заключить настолько безумную сделку. Но поверят ли им? Поверит ли кто-нибудь, что из всех женщин в мире он решил жениться именно на этой? Он не шутил, она была совершенно не в его обычном вкусе. Алесандер

любил откровенно сексуальных женщин, не бродяжек в мешковатой одежде. И хотя было что-то этакое в ее больших глазах и хрипловатом голосе и где-то под слоями ткани были спрятаны женственные формы, для его согласия условия сделки еще надо было доработать. Ему нужен лишний стимул, чтобы сделать их договор более убедительным.

- Это очень благородно с вашей стороны - пожертвовать собой ради деда. Но с чего мне ввязываться в это? В чем моя выгода, учитывая, что мы вычеркнули секс?

Симона моргнула, глядя на него, и он увидел, что она совершенно не готова к этому вопросу. Его поражала ее наивность. Неужели она думала, что он пойдет на это исключительно по доброте душевной?

- Ну, - начала она, - вы уже владеете большей частью виноградника Фелипе...

- Я сказал вам, я честно купил эту землю. Она уже моя.

- Но вы знали, как он ее потерял. Вы воспользовались несчастьем старика, потому что вам это было на руку.

- Если бы я не купил ее, это сделал бы кто-то другой.

- Но ее купили вы, и не говорите мне, что не обрадовались этому шансу. Фелипе сказал, ваш отец пытался выкупить у него эту землю на протяжении десятилетий.

- И вы считаете, если я соглашусь на эту сделку, это облегчит мою совесть? - Алесандер покачал головой. - Нет уж, моя совесть чиста, и мне не снятся кошмары. Дайте мне по-настоящему весомый повод согласиться.

Сердце Симоны стукнулось о ребра. «Согласиться»? Он серьезно? Он близок к тому, чтобы всерьез согласиться на ее безумный план? Она облизнула губы.

- Чего вы хотите? - спросила она осторожно, едва дыша в ожидании его ответа.

– Я окажусь прав, если предположу, что Фелипе оставит свою часть поместья вам как единственной наследнице?

– Д-да, он еще не встречался с поверенным, чтобы изменить завещание, но говорил, что хочет это сделать.

– Тогда вот моя цена. Когда Фелипе умрет и вы вступите в права наследства, я хочу, чтобы вы отписали остаток поместья в мою пользу.

– Весь?

– Там не так уж много осталось. И вы хотите, чтобы я на вас женился, не так ли? Чтобы Фелипе думал, что его драгоценный виноградник снова цел?

– Конечно!

– Тогда, если вы согласны на мое условие, можете считать нас официально помолвленными.

Глава 4

– И так, моя будущая супруга, что скажете? Мы договорились?

Договорились? Кровь так гремела у Симоны в висках, что она едва слышала собственные мысли. Часть ее уже праздновала – она добилась невысказанного и получила согласие Алесандера. Скоро Фелипе увидит свой драгоценный виноградник вновь объединенным под сенью их брака.

Но когда его не станет, когда их брак будет расторгнут, виноградник останется целым – Алесандер завладеет всем поместьем. По легкой улыбке, с которой он ждал ее ответа, Симона могла сказать: он предвкушает их соглашение. Стоит ли ей принять его условия? Фелипе пообещал: после его смерти то, что оставалось от его поместья, будет ее. Он хотел, чтобы лозы остались в их семье, хотел, чтобы у нее были средства. После того как ее расточительные родители оставили ее с пригоршней сувениров и больше ни с чем, это поместье должно

было стать ее единственным имуществом. И если она отдаст его Алесандеру, то снова останется ни с чем. Но что пользы ей с виноградника, если она все равно собирается возвращаться к учебе в Мельбурне? Что он для нее, кроме связи с прошлым и жизнью, которой она была лишена? Ей нет места здесь, по правде говоря. Несмотря на наследственность, она не была виноделом. Она даже толком не знала языка.

- Хорошо, - почти прошептала Симона, зная, что на самом деле выбора у нее нет. - Договорились.

- Отлично, я скажу адвокатам подготовить соглашение.

- Это не должно получить огласку! Фелипе не должен ничего заподозрить.

- Вы считаете, я хочу, чтобы это стало публичным достоянием? Нет уж, мои юристы не проронят ни слова. Никто не будет знать, что наш брак ненастоящий.

Симона кивнула, внезапно почувствовав огромную усталость. Она пришла сюда и добилась того, чего не смела ожидать. Случилось невозможное, и Алесандер Эскивель согласился на ее безумный план. Скоро виноградник будет объединен, и у Фелипе снова появится причина улыбаться. Она должна быть вне себя от радости. Но вместо этого Симона чувствовала себя выжатой, морально и физически.

- Мне нужно идти, - сказала она, увидев, что за окном уже стемнело. - Фелипе будет волноваться. - Она снова взглянула на Алесандера. - Полагаю, вы свяжетесь со мной, когда бумаги будут готовы?

- Подожди, я возьму куртку и отвезу тебя домой.

- Не надо, - запротестовала она, но Алесандер уже исчез в спальне.

Она вполне может добраться на автобусе. Дорога будет долгой, зато у Симоны появится время подумать. И еще ей хотелось вдохнуть ветер, не приправленный смесью ароматов цитруса, мускуса и чистейшего тестостерона.

– Надо, – сказал Алесандер, вернувшийся с курткой и ключами. – Нам нужно многое обсудить.

– Что, например?

– Например, как мы познакомились, для начала. Нам нужно сопоставить наши истории. Полагаю, ты не хочешь, чтобы я рассказывал людям, что ты явилась ко мне на порог и предложила на тебе жениться. Плюс нам надо рассчитать, как скоро осуществить наш план. Учитывая состояние Фелипе, ты вряд ли хочешь долгую помолвку?

– Н-нет... – О таком она и не думала.

Конечно, он прав, просто Симона не позволяла себе планировать настолько далеко. Слишком не уверена она была в том, что сможет провернуть этот план и получить согласие Алесандера.

– Давай назначим церемонию на следующий месяц, а тем временем нам надо будет появляться вместе на публике. Это решим по ходу дела. Кроме того, я думаю, самое время мне поближе познакомиться с будущим родственником.

Машина Алесандера была компактной, с низкой посадкой, и выглядела так, словно ее место скорее на гоночной трассе, чем на городских улицах. Черный цвет только усиливал это впечатление. Симона осмотрела авто с подозрением.

– Ты уверен, что ее можно водить в городе?

Алесандер рассмеялся, низко и бархатисто, и усадил ее в свой суперкар. Окруженная непривычной роскошью, Симона чувствовала смех мужчины как прикосновение внизу живота. Она неловко поежилась в объятии кожаного сиденья.

Суперкар не столько ехал, сколько крался по улицам Сан-Себастьяна – хищник, отражающий натуру владельца, готовый мгновенно сменить полосу или обогнать более медленного соперника. Потом они выехали на шоссе, и мотор мягко взревел, пожирая мили до маленького рыбацкого городка под названием Гетария.

По дороге они сочинили историю о том, как случайно встретились в Сан-Себастьяне, где Симона остановила Алесандера на улице, чтобы спросить дорогу. Вернее, историю составил Алесандер, пока Симона изо всех сил старалась игнорировать головокружительный эффект от пребывания рядом с ним в очень небольшом замкнутом пространстве. Ей не нужно было поворачивать голову, чтобы знать, что он рядом. Им был пропитан воздух, которым она дышала, и запах кожаных сидений делал эту смесь еще более пьянящей. Ей не нужно было смотреть на его длинные пальцы, чтобы знать, как уверенно они сжимают руль, и она знала, когда он переключал скорость, потому что движение воздуха от его жеста ласкало ее бедро.

Это сбивало с толку. Симона не помнила, был ли в ее жизни кто-нибудь, кого бы она ощущала настолько чутко. Особенно мужчину. С другой стороны, раньше она никому не предлагала на ней жениться, не говоря уже о том, чтобы получить согласие. Это все было ново для нее, неудивительно, что она нервничала. И чем ближе они подъезжали к Гетарии, тем больше Симона волновалась. Все-таки ей следовало поехать автобусом. А теперь у нее не будет возможности предупредить Фелипе о встрече с Алесандером, как-то подготовить деда к появлению гостя на пороге. Фелипе привыкнет, она не сомневалась, но он обязательно будет ворчать поначалу.

– Не удивляйся, если Фелипе не будет с тобой вежлив, – предупредила она Алесандера. – Учитывая все, что произошло...

– Ты имеешь в виду, учитывая, что я владею тремя четвертями его поместья? – Мужчина пожал плечами. – Сколько я себя помню, да и много лет до того, наши семьи не особенно дружили.

– Почему? Что случилось?

– А что обычно становится причиной семейных распрей? Грубое слово. Косой взгляд. Или, как в нашем случае, невеста, которую увели из-под носа у моего прапрадеда и выдали замуж за другого.

– За кого?

– За деда Фелипе.

– О, понимаю. Надо же... – Симона покачала головой. – Но это случилось почти век назад, сейчас-то оно точно не имеет такого значения. В конце концов, семьи живут бок о бок.

– Баски очень трепетно относятся к фамильной чести, и память у нас долгая. Попранную гордость забыть невозможно.

– Наверное. – Симона задумалась. Как долго будут помнить ее самый короткий брак в истории рода Эскивель? Это, несомненно, подольет масло в огонь негодования в адрес рода Ортксоа еще на век вперед. Хорошо, что она затеряется в Австралии, когда они расторгнут брак. – А твоя семья? Как они примут новость о том, что ты женишься на Ортксоа?

Алесандер улыбнулся:

– Без энтузиазма. По крайней мере, поначалу. Но я скажу им, что пора положить конец старым распрям и двигаться дальше. А потом они будут счастливы повторять, что предупреждали меня и всегда знали – этим все и кончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/trish-mori/na-ee-usloviyah>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)